

ДЕРЕВО ДОБРА

Изучая архивные данные, в том числе и периодическую литературу прошлого, ученые создают и воссоздают историю своего народа. Так было во все времена. Ксенофонт и Египте, Хоренаци и Карамзин главными источниками истории считали летописи. А публицистика — это и есть летопись современной истории. Значит, так называемая малая литература в периодике, в газетах и журналах, не только «пропагандирует», «организовывает», создает общественное мнение, но и заодно фиксирует страницы будущей истории.

Ответственность громадная — фиксировать страницы истории. Ибо по нашей публицистике потомки будут судить о нашей жизни, нашей эпохе. И одно только это, кроме всего прочего, обязывает нас главным критерием в нашей работе считать ПРАВДУ. Правду, без которой нет ни идейности, ни убежденности, ни чувства ответственности.

Говорят, многое можно простить человеку уже потому, что не бывает людей без недостатков. Но я глубоко убежден: нельзя простить публицисту, как и вообще литератору, любому художнику (но, подчеркиваю, особенно — публицисту), если он хоть на йоту погрешит перед правдой. Хочется быть правильно понятым. Речь идет не о художественном вымысле, без которого нет ни «большой», ни «малой» литературы. Речь идет о жизненной правде и правде жизни.

Можно ведь для своего спокойствия просто обойти ее, правду. Не изжили ведь себя древние, как мир, умонастроения: «Моя хата с краю», «Что мне, больше всех надо, что ли?» И не задумываемся над тем, чем может обернуться подобная тактика. Именно об этом говорил на седьмом съезде писателей СССР прекрасный русский писатель Федор Абрамов: «Мы не имеем права замалчивать, упрощать все сложности и трудности нашего исторического пути. Не объясним мы — объяснят другие, только объяснят по-своему. Мы не скажем своим голосом всей правды, скажут другие «голоса», только скажут по-своему. Пи-

сатель по характеру труда своего должен быть смелым, критик — смелым трижды».

На съезде писателей, говоря об ответственности художника перед своим народом, подчеркивали главную его позицию: «утверждать правду жизни». А это уже исключает равнодушие, нейтралитет. Мы ведь слишком хорошо знаем, что в истории человечества бывали этапы, когда нейтралитет перерастал в предательство. Не случайно Данте писал: «Самые раскаленные места в аду предназначены для тех, кто во времена великих моральных испытаний хранил нейтралитет».

Нейтралитет страшен еще и тем, что он убивает в человеке страсть. А без страсти ни ребенок не родится, ни хлеб, ни поэтическая строка.

Не будем ждать, пока наши потомки по сегодняшним страницам летописи напишут историю. Давайте перелистаем сами страницы, написанные современниками. Можем обойтись и без архивов. Память наша цепкая. Мы все помним. И не забываем, что к концу года непременно печатаем сводки о выполнении и перевыполнении плановых заданий, Планы-то действительно выполняем, но о дальнейшей судьбе урожая не всегда печемся как надо. Страна наша производит больше продукции, чем потребляет. Партия учит нас по-хозяйски относиться к народному достоянию. Но не слишком ли мы привыкли к огромным потерям в этом самом народном достоянии? А они ведь выражаются поистине астрономическими цифрами. Видный советский публицист Юрий Черниченко писал в «Новом мире» о том, что треть урожая у нас гибнет, что называется, на корню. У него же в книге «Про картошку» я узнал о том, что тридцать миллионов тонн доморощенного отечественного фуражного фонда зерна расходуется впустую. Имеем ли мы право молчать об этом? Имеем ли право молчать о том, что подобная бесхозяйственность в конечном итоге влияет отрицательно и на психологию человека? И стоит ли после всего удивляться, что по всей стране ежегодно до семи миллионов тонн хлеба выбрасывается в мусорные ящики, на свалку. А как звучит кощунственно: «хлеб на... свалке».

В беседе с министром плодоовощного хозяйства СССР, опубликованной в «Литературной газете», мы говорили о том, как в Ехегнадзорском районе Армянской ССР крестьянин на своем приусадебном участке собирает почти в десять раз больше урожая, чем на государственных плантациях. Такая же картина и по стране с плодами и овощами. Цифры и радуют, и

огорчают. Радуют потому, что видишь, каким огромным потенциалом обладает земля. Огорчают потому, что убеждаешься: все меньше остается на земле настоящих хозяев земли. А такие потери куда страшнее, чем потери урожая. Вспомним, как «Правда» перепечатала из районной газеты писательский материал о селе. Автором статьи был Федор Абрамов. Писатель выражал беспокойство по поводу духовной деформации крестьянина как такового. Крестьянина, который сегодня может позволить себе вставать с постели в одиннадцать часов утра. Нельзя, конечно, спокойно и равнодушно пройти мимо такой вот правды. Не замечать всего этого, не желать предвидеть печальные последствия — значит заниматься самообманом, который является плохим советчиком в жизни.

Вообще, мне думается, нет ничего опаснее публициста, занимающегося самообманом. Разве не занимаемся самообманом, когда вместо действенной борьбы, скажем, с алкоголизмом и взяточничеством, бюрократизмом и протекционизмом объявляем их и подобные им антиподы общечеловеческой морали просто-напросто пережитками прошлого. При этом, наверное, полагаем, что чем дальше от прошлого, от капитализма, тем легче будет искоренять эти самые пережитки. И подчас продолжаем заниматься самообманом, хотя прекрасно знаем, что речь уже идет не о пережитках, а о недостатках своих, замороженных. Болезнь опасная. И о ней писал теоретический и политический журнал ЦК КПСС «Коммунист»: «Антиподы коммунистической морали — действительно пережитки прошлого по своему историческому происхождению. Для нас же они реальное зло и, естественно, имеют не менее реальные причины. Не опасаемся ли мы доискиваться до этих причин под надуманным (! — З.Б.) предлогом, что тем самым можем, чего доброго, опорочить социализм». Наши достижения, наши завоевания можно опорочить только ложью.

Мы, советские публицисты, с величайшей радостью и гордостью воспринимаем тот реальный факт, что сегодня русская литература возрождает и развивает высокие нравственные принципы, выработанные еще в прошлом веке титанами русской культуры. Во главу угла ставится человек с его неповторимым внутренним миром, с его неповторимой судьбой, с его болью, которая, по выражению Аветика Исаакяна, «громднее Вселенной». Теми же самыми высокими нравственными принципами сегодня руководствуется наша публицистика. Спасая Байкал или Севан, мы спасаем человека. Когда мы пишем о

том, что в тайге безжалостно рубят вековые деревья, не восстанавливая их; что в некоторых регионах страны процветает алкоголизм; когда мы пишем о том, что в одном из районов нашей республики по решению местных властей был уничтожен урожай на глазах у тех, кто взрастил его; когда с трибуны партийных съездов во весь голос говорят о том, что анонимным поклепам не должно быть места в нашей жизни, то мы прежде всего решаем задачи нравственные. Мы видим перед собой человека, обеспокоенного проблемами будущего.

Бороться за будущее — это значит бороться за человека, который будет жить на твоей земле после тебя. Вопрос даже нужно ставить иначе: нельзя не бороться. Мы не можем обольщаться лишь лозунгами и призывами, рисующими будущее, видите ли, в оптимистических красках. Владимир Ильич Ленин предупреждал, что нет ничего пошлее самодовольного оптимизма. Делая прогнозы экономического, экологического, социального характера, мы подчас упускаем и опускаем самое, пожалуй, важное: процесс становления личности. Мы хорошо знаем, где в будущем пройдет по тайге новая стальная магистраль, какую реку, увы, повернем вспять, сколько гектаров оросят строящиеся искусственные моря. Но не всегда глубоко и трезво задумываемся над все еще встречающейся духовной ущербностью подростка и юноши. А ведь духовная ущербность у юноши — это все равно что цвет глаз. Остается на всю жизнь. Недавно молодой человек на отцовской машине задавил двух пешеходов. Оба погибли на месте происшествия. Молодой человек, которого задержала подросевшая милиция, бросил небрежно при собравшейся толпе: «В моей машине японский магнитофон. Смотрите, чтобы не украли...» Комментарии, как говорится, излишни. Духовный диагноз можно поставить безошибочно. И, развивая аналогию с медициной, надо сказать, что подобная болезнь практически неизлечима. Такую болезнь можно только предупредить. А пока с нескрываемым страхом думаешь о том, что этот самый ущербный тип встретит двухтысячный год, что называется, в расцвете своих сил. И одному Богу ведомо, сколько еще натворит он мерзостей.

Пример единичный, но, похоже, симптоматичный. О чуть ли не массовом инфантилизме студентов рассказывают педагоги вузов. Студентка может позволить себе явиться на экзамен вся в золоте и бриллиантах. Это, наверное, неплохо, что мы живем хорошо, в достатке. Но ведь речь идет о студенте, об учащемся. Интерьеры армянских церквей и храмов, которые

заодно и были народными школами и университетами, начисто лишены архитектурных излишеств, узоров, украшений, картин. И в этой строгой мудрости был свой смысл. Ничто не должно отвлекать внимание человека, пришедшего утолить в храм духовную жажду. И вдруг дорогие «излишества» на самом студенте. Уже сколько лет пишут наши публицисты о проблеме высшей школы, но воз и ныне там. Хотя каждый из нас знает, что речь идет о качестве духовной жизни будущего. Диплом стал самоцелью, индульгенцией.

Вспоминаю, как я подолгу разговаривал с дояркой, которая без мужа вырастила и воспитала девятерых детей. Она беспрестанно твердила: «Я сделаю все, чтобы мои дети непременно закончили институты. Куда угодно, только не в колхоз». Не торопитесь осуждать эту, прямо скажем, мужественную женщину. Давайте прежде поблагодарим за то, что она вырастила девятерых детей. Мать ведь никогда не захочет плохого своим детям. Да и матери редко когда ошибаются. Она мне призналась: «Не могу смотреть спокойно на то, как ревизор и контролер живут припеваючи. Живут лучше, чем тот, кто честно трудится на земле. Это же так противоестественно». Да, это ужасно противоестественно. И партия сейчас решительно борется против подобных явлений. Ведь в одной только нашей республике насчитывается сто тысяч штатных и нештатных сотрудников народного контроля. А по всей стране — десять миллионов. И это еще не все. Это еще не считая многочисленных их дублеров, работников БХСС и прокуратуры, КРУ министерств и ведомств, фининспекторов и ревизоров. Не слишком ли много чиновничьих душ, стоящих над душой работающего человека? Об этом и говорит доярка, вырастившая девятерых детей. Об этом писала «Правда»: «...На одного колхозного и совхозного специалиста приходится трое-четверо занятых в управленческом аппарате...» Хотя, продолжает автор публикации, «должно быть наоборот». И если мы сегодня не исправим это несправедливое арифметическое соотношение, то завтра действительно не будет у нас ни доярок, ни сеятелей, ни страны. Сегодня мы и так вынуждены писать в газетах об умирающих династиях, о последних из могикан: о каменотесах и кузнецах, о краснодеревщиках и пекарях лавашей, об ашугах и подлинных варпетах, на которых, если остановиться, оглянуться и призадуматься, держится мир.

Рано овдовевший мужчина средних лет воспитывает трех дочерей-школьниц. Он рассказывает о том, как порой хочется

ему выбросить телевизор в окно. «Одному Богу известно, — говорит он, — как трудно воспитать девочку без матери. Стараясь как могу. А тут вдруг без всякого стука, без разрешения врывается к тебе домой какой-то жалкий философствующий нигилист, охмуряющий с экрана телевизора не окрепшие еще детские души. То этот телегерой хамит родной матери, то прогулявшая невеста где всю ночь старшеклассница утром с заспанными глазами читает самому отцу мораль — мол, нынче времена другие. То на глазах у многомиллионного зрителя невеста отпускает увесистую оплеуху своему жениху или жена мужу. А потом удивляются числу разводов. Так ведь нельзя. Вот и хочется порой выбросить телевизор в окно».

Можно и нужно, наверное, советовать несчастному вдовцу, чтобы он все-таки не выбрасывал телевизор. Но не разделять его беспокойство нельзя.

Служение правде, борьба за будущее вбирают в себя действительную непримиримость и к такому злу, как воинствующий цинизм, когда, зубоскаля, охаивают и чернят нашу действительность те, кто в полную меру пользуются всеми ее благами. Они ведь не только плюют в колодец, из которого пьют воду, они плюют в души людей, вырванных сам колодец. Они никогда уже не посадят дерево добра, к чему, собственно, всегда призывала и призывает литература и публицистика.

Я горжусь причастностью к нашей публицистике, которая считает своим священным долгом служить добру и истине. Философы утверждают, что тысяча путей ведет ко злу и лжи и лишь один-единственный — к добру и истине. Главное — не сворачивать с пути. Главное — самому посадить свое дерево. Дерево добра.